



*Моим сестрам — Эрике, Элейн  
и Сабаа — эта книга не появилась бы,  
не будь вас.*

*И Виктору — всегда*



Где роза — там шип.

*Джалаладдин Руми<sup>1</sup>*

---

<sup>1</sup> Мавланá Джалал ад-Дин Мухаммад Руми́ (1207–1273 гг.) — персидский поэт-суфий. — *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*



## ПРОЛОГ

Девочке исполнилось одиннадцать лет и три четверти. Три очень важные четверти. Особенно большое значение они имели этим утром, когда отец поручил дочери крайне ответственное задание прямо перед тем, как уйти. Именно поэтому она хоть и тяжело вздохнула, но послушно засучила обтрепанные по краям рукава и начала сгружать обломки в стоявшую неподалеку тачку.

— Не могу поднять, — пожаловался восьмилетний брат, безуспешно пытаясь сдвинуть с места один из кусков обрушенной стены, и тут же закашлялся, когда от обугленных дровяшек в воздух взлетело облако пепла.

— Давай помогу, — предложила девочка и отбросила в сторону лопату, которая звонко ударилась об пол.

— Я сам!

— Нужно работать вместе, иначе ни за что не управимся с уборкой до возвращения баба́<sup>1</sup>. — Сестра подбоченилась и сердито воззрилась на мальчика.

— Оглянись, — фыркнул тот, обводя широким жестом остатки помещения. — Мы никогда не закончим уборку.

Девочка проследила взглядом, куда указывал брат. Глиняные стены их дома пребывали в плачевном состоянии. Раз-

---

<sup>1</sup> Баба́ — уважительное обращение к отцу в арабских странах. (Значения выделенных курсивом слов указаны в разделе «Глоссарий».)

рушенные, припорошенные слоем саж. Крыша провалилась и открывала взору небеса. Небеса без малейшего признака надежды.

Вокруг простирался когда-то процветающий город.

Полуденное солнце стыдливо пряталось за разрушенными крышами домов Рея, отбрасывая тени на расколотые камни и опаленный мрамор. Тут и там виднелись еще дымящиеся груды развалин, которые служили жестоким напоминанием о том, что творилось вокруг всего несколько коротких дней назад.

Девочка подошла к брату, стараясь принять суровый вид, и наставительно произнесла:

— Если не хочешь помогать, подожди снаружи. Но я останусь и продолжу уборку. Кому-то же нужно этим заниматься.

С этими словами она потянулась к лопате.

Мальчик раздраженно пнул ближайший булыжник, отчего тот прокатился по спекшейся от жары земле и остановился возле ног незнакомца, замершего возле обугленной дверной рамы. Лицо мужчины скрывал капюшон.

Девочка стиснула ладонь на черенке лопаты, задвинула брата себе за спину и поинтересовалась у незваного гостя:

— Могу ли я вам чем-то помочь?

Черная накидка-*рида* незнакомца была расшита серебряными и золотыми нитями. Изысканные ножны необычной сабли поблескивали драгоценными камнями. Обувь же была изготовлена из тонко выделанной телячьей кожи.

Мужчина явно не принадлежал к числу разбойников.

Не получив ответа, девочка выпрямилась, с бешено колотящимся в груди сердцем приподняла лопату, нахмурилась и повторила вопрос:

— Могу ли я вам чем-то помочь, *сагиб*?

Незнакомец шагнул внутрь от покосившейся дверной рамы, откинул на плечи капюшон и примирительным жестом осторожно выставил перед собой ладони. Каждое движение казалось плавным, текучим, исполненным грации.

Девочка впервые сумела рассмотреть незваного гостя в солнечных лучах. Он выглядел куда моложе, чем она ожи-

дала — не старше двадцати лет, — и мог бы считаться красивым, если бы не слишком резкие черты и не ожесточенное выражение лица. В ярком свете стало заметно и еще кое-что странное: контрастируя с остальным обликом богатого вельможи, его руки, покрытые мозолями, покраснели и потрескались, свидетельствуя о тяжелом труде. Усталые глаза были необычного цвета расплавленного золота, как у льва, которого девочке доводилось видеть лишь на картинах.

— Я не хотел вас напугать, — тихо произнес молодой мужчина, обводя взглядом развалины скромного жилища. — Могу ли я побеседовать с вашим отцом?

— Его здесь нет, — медленно ответила девочка, вновь исполняясь подозрений. — Он отправился за строительными материалами для дома.

— А ваша матушка?

— Умерла на следующее утро после того, как на нее упала крыша во время бури, — отозвался из-за спины сестры мальчик.

Слова прозвучали буднично, потому что он сам в них не до конца верил. Да и самой девочке было тяжело уложить в голове все несчастья, которые обрушились на их семью за последний год: сначала неурожай из-за засухи, приведший их на грань голода, затем ужасная гроза, нанесящая последний удар. Брат просто еще не осознавал случившееся.

Выражение лица незнакомца, и без того суровое, превратилось в безжизненную маску. Он отвел взгляд, безвольно уронив руки, но потом стиснул кулаки так, что побелели костяшки, и решительно поднял на юных собеседников глаза.

— Есть еще одна лопата?

— Тебе-то она зачем, богатей? — вызывающе спросил брат, угрожающе наступая на мужчину.

— Камьяр! — ошеломленно выдохнула сестра, хватая безрассудного мальчишку за ворот поношенного *камиса*.

Незнакомец недоуменно заморгал, а спустя пару мгновений присел на корточки перед юным защитником и заговорил с намеком на улыбку в уголках губ:



— Камьяр, верно?

Тот ничего не ответил, едва осмеливаясь смотреть прямо в глаза высокому мужчине.

Тогда вмешалась девочка, с трудом выдавив:

— Я... Простите моего брата за дерзость, *сагиб*.

— Не стоит извинений. Я даже ценю вызов, если он исходит из уст достойного человека, — при этих словах на губах незнакомца заиграла настоящая улыбка, смягчившая его черты.

— Да, меня зовут Камьяр, — резко заявил брат. — А вот твоего имени я что-то не слышал.

— Халид, — после секундной заминки отозвался странный гость.

— И зачем тебе нужна лопата, Халид? — потребовал ответа мальчик.

— Хочу помочь убрать мусор.

— С какой стати?

— Потому что вместе мы справимся быстрее.

— Но это наш дом, не твой, — не успокаивался брат. Хотя он и смягчил тон, но по-прежнему настороженно разглядывал собеседника, склонив голову набок. — Тебе-то что за дело?

— Рей — мой дом. Как и ваш. Разве вы не предложили бы мне помощь в случае нужды?

— Предложили бы, — без колебаний подтвердил Камьяр.

— Так я и думал, — кивнул Халид, поднимаясь на ноги. — Значит, решено. Можно одолжить лопату?

До конца дня все трое усердно расчищали пол от обугленного дерева и от разбухших из-за дождя обломков. Девочка отказалась назвать свое имя и обращалась к нежданному помощнику только уважительно: «Сагиб». Однако брат относился к нему свободно и радушно, как к давнему приятелю, с которым имел общего врага.

Во время краткого перерыва Халид предложил им воду и лаваш. Девочка приняла еду, благодарно склонив голову, притронулась кончиками пальцев ко лбу и покраснела, когда красивый мужчина молча вернул жест.

Вскоре день начал клониться к закату. Камьяр устроился в углу разрушенного жилища, закрыл глаза и задремал, опустив подбородок на грудь.

Добровольный помощник закончил складывать возле выхода все куски дерева, которые еще могли пригодиться, отряхнул риду и натянул капюшон на голову.

— Спасибо, — пробормотала девочка, понимая, что обязана хоть как-то выразить благодарность.

Халид обернулся через плечо, застыв на месте. Затем пошарил под накидкой и протянул юной собеседнице небольшой мешочек. Горловину перетягивал кожаный шнур.

— Пожалуйста, возьми.

— Нет, *сагиб*, — покачала головой девочка. — Я не могу принять деньги. Мы и без того злоупотребили вашей щедрой помощью.

— Здесь совсем немного. Прошу, возьми, — устало произнес Халид. Его глаза под капюшоном казались потухшими, переутомленными. — Пожалуйста.

На лице, скрытом тенями, запятнанном копотью и пылью, на мгновение промелькнуло едва уловимое выражение такого неизбывного горя, какое девочка даже не могла себе представить. Она приняла мешочек из рук мужчины.

— Спасибо, — прошептал он, словно это ему сделали одолжение.

— Шива, — тихо сообщила девочка. — Меня зовут Шива.

В глазах собеседника на миг вспыхнуло недоверие, затем резкие черты лица смягчились.

— Конечно, — вздохнул он и низко склонил голову, почтительно притрагиваясь ко лбу кончиками пальцев.

Несмотря на недоумение, Шива вежливо повторила жест, а когда подняла глаза, то увидела, что странный мужчина уже свернул за угол и растворился в ночном мраке.

## ВОДА ЛЖЕТ

Всего лишь кольцо. Но сколько же оно для нее значило! То, что можно потерять. То, за что стоило сражаться.

Шахразада подняла голову, подставляя лицо под солнечные лучи. Перстень из тусклого золота блеснул, напоминая о своем двойнике, который находился на другом конце песчаного моря.

Мысли сами собой устремились к мраморному дворцу Рея. К Халиду. Оставалось надеяться, что он сейчас был с Джалалом или с дядей, *шахрбаном*, а не один, гадая, что произошло со своевольной женой.

«Почему я не там, с ним? — с отчаянием подумала Шахразада. Потом плотно сжала губы и сама же ответила себе: — Потому что в последний раз, когда я находилась в Рее, погибли тысячи ни в чем не повинных людей».

Она не могла вернуться до тех пор, пока не сумеет обнаружить способ защитить жителей города. И возлюбленного. Пока не найдет способ снять проклятие Халида.

За стенками шатра послышалось беззаботное бляение козла.

Ощущая, как в груди нарастает ярость, Шахразада откинула импровизированное одеяло и потянулась к кинжалу, сама понимая, что не станет осуществлять невысказанную угрозу, но пытаясь таким образом обрести хоть какое-то подобие контроля над ситуацией.

Словно в насмешку, пронзительное блеяние лишь усилилось, и к нему добавилось... что? Звуки колокольчика?

На шее отвратительной твари звенел колокольчик! Под такой шум не сумел бы уснуть даже покойник!

Шахразада села, стиснула украшенную драгоценными камнями рукоять кинжала и... Обессиленно откинулась назад на походную постель, испустив раздраженный стон.

«Можно подумать, если бы стояла тишина, то я бы сумела заснуть».

Но нет, не тогда, когда дом находился так далеко. Когда так далеко находилось место, к которому стремилось сердце.

Шахразада с трудом проглотила вставший в горле ком и рассеянно погладила подушечкой большого пальца отпечаток в виде двух скрещенных сабель на печатке. Халид подарил перстень жене всего две недели назад.

Она приказала самой себе собраться. Сожаления не помогают в достижении цели.

Вздыхнув, Шахразада снова села и обвела взглядом окружающую обстановку.

Походная постель Ирсы лежала скатанной в дальнем конце их общего маленького шатра. Младшая сестра уже давно встала и сейчас наверняка вовсю пекла хлеб, заваривала чай и заплетала в косички бородку мерзкого козла.

Несмотря на ужасные обстоятельства, губы сами собой растянулись в улыбке.

Отсутствие полноценного отдыха, однако, быстро погасило искры хорошего настроения. Шахразада встала, заткнув кинжал за пояс, и потянулась. Каждый мускул тела ныл после нескольких дней тяжелого пути и плохого сна.

Три ночи, наполненные тревогой. Три ночи, проведенные в тщетной попытке забыть горящий город. Забыть хоть ненадолго список вопросов без ответов. Три бесконечно длинные ночи беспокойства за отца, чье истерзанное тело нашли на холмах рядом со столицей. Он до сих пор так и не оправился от травм.

Шахразада глубоко вдохнула сухой и свежий воздух, подставив лицо солнечным лучам, которые просачивались